АРТИСТ ТЕРЯЕТ УВАЖЕНИЕ НАРОДА

проводились с ним и личные беседы. Но Завьялова долго спасала хитрая тактика: грешить и каяться. За грубые выходы на репетиции балета «Маскарад» его

В его биографии — краткая выразительная строка: «На работу в театр оперы и балета я поступил в 1942 году».

Мыслями невольно уносишься в прошлое. Было однажды такое.

Соединение партизанских отрядов по приказу с «большой земли» вышло из глухих Полесских лесов к линии фронта, чтобы помочь наступающей армии форсировать Припять. Стояла дивная украинская ночь, одна из тех мягких сентябрьских ночей, когда небо безоблачно, воздух свеж, с лугов тянет ароматом сена и так неподвижны, так прозрачны березы на окраинах села. Из-за широкой реки, где темнели заросли краснотала, били пулеметы противника. На горизонте вспыхивали ракеты, багровые блики оружейных выстрелов лизали даль. В партизанский штаб вошел человек с автоматом, усало приложил руку к поседевшему зыску и доложил обстановку. Вдруг глаза его оживились, по губам скользнула теплая улыбка.

— Товарищ комиссар, можно? Автоматчик снял со стены скрипку. В движениях его рук были и нетерпение, и ласковая осторожность. Он тронул струны, воодушевился и, прижимая скрипку к щетинистой щеке, принялся играть. После грохота дневного боя звуки скрипки были так неожиданны, что в избе все замерло. Задумчивая украинская песня крепла, набирала силу под пальцами, отвыкшими от смычка. «Дуют ветры дуют буйны». Тут же скрипач перешел на другую песню — о широком Днепре, который ревет и стонет... Как зачарованные, слушали партизаны игру автоматчика Красота жизни, величие человеческих чувств, бессмертие народа, жажда подвига — все слилось в задушевной мелодии.

— Хорошо! — тихо сказал автоматчик, вешая скрипку на стену. — Пусть дожидается своего хозяина...

Он вышел. Кто-то из партизан с глубоким уважением произнес:

— Артистом до войны был, видать. Здорово играл!

И все принялись говорить о популярных артистах, об их полях и судьбах. По блестящим глазам, по оживленным возгласам видно было, что любовь к ним не погасла в землянках и окопах.

Недалеко от избы ухнул снаряд, задрожали стены. Буйные ветры войны дули над осенней землей. Партизаны молча вошли в темноту, сжимая оружие, готовые встать насмерть за эту бессмертную красоту жизни, о которой только что напомнил им необычный скрипач.

Вот в эти героические военные годы, когда ребята постарше уезжали из Ташкента в действующую армию, и начал Борис Завьялов, пятнадцатилетний подросток, свой путь артиста. Великая страна таила в себе неистощимые силы и волю к жизни. Тяжелый лязг, напряженный ритм машин и станков в заводских цехах, жад-

ное стрекотание косилок и жаток сочетались с постукиванием мела на классной доске, с тишиной писательского кабинета, с зажигательной пляской на сцене. Одиноким заботой окружала Родина и курсанта-летчика, и молодого солиста балета.

Борису Завьялову говорили: — Отныне ты принадлежишь искусству. У тебя есть призвание, ты можешь далеко пойти. Но путь артиста труден. Чтобы всегда быть на высоте, чтобы тебя любил народ, надо неустанно работать над собой. Не зазнавайся, когда тебе рукоплещут. Чем больше слава, тем кристальнее взгляды зрителей. Букеты роз могут смениться холодом отчуждения, если ты сделаешь неверный шаг на сцене или в жизни.

После спектакля Борис торопился домой. Он жил с матерью, честной труженицей, проводившей не одну бессонную ночь в заботах о своем единственном мальчике. Мария Николаевна радовалась, слушая восторженные рассказы сына об артистах и репетициях в лучшем театре республики. Когда ему впервые дали небольшую партию, он бурно прорепетировал свою роль перед онемевшей Марией Николаевной. Несколько дней она тревожно ждала первого спектакля. И прослезилась, увидев, как хорошо ее мальчик на сцене. Вспомнив о муже, который еще до войны ушел из семьи, Мария Николаевна гордо поджала губы. Она сама, без отповской помощи, вывела Боря в люди... С этого вечера Мария Николаевна безоговорочно поверила в призвание сына.

Борис Завьялов отдался балету с юношеским пылом. Он легко входил в роль, на лету схватывал затейливый рисунок танца. В артистических уборных раздавались реплики:

— Из этого милого мальчика будет толк.

Шли годы. Сверстники Бориса Завьялова стали учителями, токарями, машинистами. Другие вернулись с войны и справляли свадьбы, танцуя на них по-армейски, по-флотски и просто «барыню». Но в Бориса был теперь свой круг знакомых. Приятельские отношения завязывались обычно за бутылкой вина. Борис любил остроты и шутки, умел повеселиться в компании. «Очень милый юноша», — говорили о нем новые знакомые. «И талантлив, дьявольски талантлив!» — кричали при этом тонкие ценители балета, опрокидывая на скатерть бокалы.

Атмосфера общего восхищения, в которой Борис Завьялов теперь жил и работал, льстила молодому артисту. Завьялов стремился к совершенству, им одолело желание стать знаменитым солистом, быть лучше всех. Он постоянно посещал занятия в хореографической студии, и можно было подумывать, что слова «тадачт — это труд» глубоко западали в его душу. Теперь Завьялову поручали

ведущие партии в «Лебедином озере», в «Красном маке», в «Медном всаднике», в «Бахчисарайском фонтане», во многих других спектаклях. Это был период бурного творческого подъема. В служебной характеристике того времени о Завьялове сказано: «Работоспособный, энергичный, музыкальный. В общественной жизни театра принимает активное участие, особенно в развитии хореографического искусства в Узбекистане».

Так к Борису Константиновичу Завьялову пришла слава: в феврале 1955 года ему присвоили звание заслуженного артиста Узбекской ССР. Это поощряло и обязывало на больший подвиг во имя искусства. От Бориса Завьялова требовалось одно — умом и сердцем понять высокое призвание советского артиста: воспитывать человека, в котором все прекрасно.

Однако он не понял этого. Утолив жажду честолюбия, он охладил к искусству. Впрочем, наблюдательные люди и прежде замечали в поведении молодого солиста неприятные срывы. Никто из коллег не придавал им значения, благодушно именуя их «грешками молодости». Борису прощали «вольное» обращение с девушками, ничего плохого не видели и в шумных попойках: «Парень он холостой, куда ему энергии девать?» Постепенно он привык к безнаказанности, в нем болезненно развилось самонадеяние, нетерпимость к критике. Однажды в печати сделали в адрес комсомольца Завьялова и его друзей несколько замечаний. «Ведущий солист» взбунтовался.

— Я вам покажу! Вы меня попомните! — крикнул Борис Константинович, хлопнув дверью в кабинете редактора.

Если бы он прислушался тогда к критике старших товарищей, комсомольцев и коммунистов!.. Если бы! Но Борис Завьялов оказался не из тех, кто дорожит мнением коллектива. Он зазнался, возомнил, что ему теперь все позволено, что он на голову выше простого смертного. Это вело к катастрофическому падению...

В жизни Бориса Завьялова наступал период творческого застоя, хотя по временам он вдруг оживлялся и принимался за дело. Им было написано либретто и поставлен балет «Мечта». Это были хорошие порывы в душе артиста, но они тонули, как капля в море, в море скверных поступков. Весь этот период жизни Завьялова сжато описан в решении коллегии Министерства культуры Узбекской ССР: «В продолжение ряда лет Завьялов систематически нарушал трудовую дисциплину, проявлял аморальные поступки, граничащие с цинизмом, неоднократно являлся на работу в нетрезвом виде, в обращении с сотрудниками коллектива допускал грубость, наносил оскорбления, чинил драки».

К чести коллектива театра надо сказать, что поведение Завьялова обсуждалось на собраниях,

отстранили от исполнения роли Арбенина, но он извинился, признал ошибку — и снова танцует. Обругав педагога хореографического училища, получил строгий выговор, но тут же покаялся — и снова танцует. За систематические прогулы сняли, наконец, Завьялова с работы, но он пишет слезную бумагу в местком, его милуют — и снова Завьялов танцует.

Что и говорить — терпеливо, гуманно, даже слишком гуманно относился коллектив театра к Борису Завьялову.

В личном деле артиста — выписки из приказов, рапорты, объяснения, протоколы. Каждый из них открывает новую дурную черту в характере Завьялова. Вот рапорт помощника начальника пожарно-сторожевой охраны: «27 января после окончания балетного спектакля «Мечта» в 12 часов ночи я произвел обход и услышал где-то выше на этаже истерический женский крик. Когда я поднялся на этаж, в гримуборной застал Завьялова с артисткой, она рыдала, а он стучал кулаком по столу и говорил повышенным тоном. На полу валялась разбитая настольная лампа». Оказывается, Завьялов вел таким образом «творческую дискуссию». Спустя полгода он зверски избил возле театра знакомого фотографа, причем ночная баталия привлекла многочисленную публику. На этот раз вместо аплодисментов раздались милицеские свистки.

Чаща терпения переполнилась, и коллектив театра оперы и балета имени Нарои ходатайствовал о лишении Завьялова почетного звания заслуженного артиста республики. Просьба коллектива была удовлетворена.

Так на смену хорошей трудовой славе пришла к Завьялову худая популярность дебошира и циника. Тяжело его матери-пенсионерке, больно его друзьям, обидно всему коллективу театра. Человек не оправдал надежды народа, надругался над высоким званием советского артиста, плюнул в душу поклонникам его таланта. Да можно ли теперь всерьез говорить о таланте Завьялова?! В творческом отношении он отстал от своих коллег, в театре за это время выросла плеяда одаренных солистов балета.

Что ждет Бориса Завьялова? Холодок отчуждения повеял между артистом и зрителем, букеты цветов завяли, словно тронутые заморозком. Говорят, Завьялов собирается «бежать» из Ташкента, попытаться счастья не то в Оренбурге, не то в Новосибирске. Его зовут театральные подмостки: слишком многое связано с ними. Но удачи ли Завьялову бежать от самого себя, от своих дурных склонностей, от презрения, каким окружают у нас людей, не оправдавших доверия народа?

Артист советского театра — это высокое, почетное звание в нашей стране, марать его безнаказанно нельзя.

Ф. ИЗМАЙЛОВ.

ПРАВДА ВОСТОКА
г. Ташкент

23 ИЮЛ 1951